
* Военный дневник

Борис Васильев

ВЕК НЕОБЫЧАЙНЫЙ

ОГИЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 2024

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В19

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

*Фотография на обложке предоставлены:
ФГУП ИТАР-ТАСС (Агентством «Фото ИТАР-ТАСС»),
фотограф Александр Шогин /Фотохроника ТАСС;
ФГУП МИА «Россия сегодня» (Анатолий Гаранин / РИА Новости)*

Художественное оформление — Григорий Калугин

*Издательство выражает благодарность семье писателя
за предоставленные фотографии*

Васильев, Борис Львович.

В19 Век необычайный / Борис Львович Васильев. —
Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. — 320 с. —
(Военный дневник).

ISBN 978-5-17-160844-6

Книга посвящена 100-летию со дня рождения классика российской литературы, участника Великой Отечественной войны Бориса Львовича Васильева, автора любимых читателями произведений «А зори здесь тихие...», «В списках не значился», «Иванов катер», «Не стреляйте в белых лебедей», «Были и небыли».

В книге «Век необычайный», созданной в 2002 году, Борис Львович вспоминает свое детство, семью, военные годы, простые истории из жизни и трогательные истории любви. Без строгой хронологической последовательности, автор неспешно размышляет на социально-философские темы и о самой жизни, которую, по его словам, каждый человек выбирает сам.

Именно это произведение, открытое, страстное, обладающее публицистическим накалом, в полной мере раскрывает внутренний мир известного писателя.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

*Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый, век необычайный.
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней.*

Николай Глазков

ВСТУПЛЕНИЕ

Увы, XX век оказался для России веком чрезвычайным. Не только по сумме исторических потрясений, но и по небывало частому употреблению этого слова в самых неожиданных вариантах. Чрезвычайными, то есть наделенными внесудебными правами наказания вплоть до расстрела, были Комиссии по борьбе с контрреволюцией, созданные тотчас же, как только большевики захватили власть, и продотряды с правами насильственного отъема продуктов у крестьян и бессудных расстрелов «за саботаж». Чрезвычайные Съезды, Чрезвычайные постановления, Чрезвычайные решения, Чрезвычайные Указы. Если все «Чрезвычайное» собрать вместе, то возникает отчетливое впечатление состояния гражданской войны во все времена вплоть до хрущевской оттепели.

Мое поколение — первое, родившееся после *официального* окончания Гражданской войны — оказалось поколением, выросшим в состоянии тайной гражданской войны. Конечно, мы не ощущали всего ужаса перманентного террора, но наши родители, родственники, старшие братья и сестры испытали его в полной мере. Нам в наследство досталось полностью разрушенное правовое пространство, а нашим внукам — разрушенное идейное, что и породило антисемитизм, мерзкое наименование «лицо кавказской национальности»

и бессмысленную войну в Чечне, регулярно поставляющую не имеющих национальности террористов.

Все это — результат взрослой жизни. Детство не знает ни террора, ни ксенофобии, ни ура-патриотизма. Почему я и хочу вернуться в это самое чистое время человеческой жизни.

ПРОЛОГ

Сколько себя помню, меня загоняли в постель ровнехонько в половине десятого. А книжки отбирали, и если я проносил что-либо нелегально, то в самый увлекательный момент пододеяльного чтения бесшумно отпахивалась занавеска — я спал на кухне, на деревянном топчане, покрытом тоненьким матрасиком, набитым соломой, — кто-то возникал в проеме, и книжка изымалась. А спать мне не хотелось то ли по причине упрямства и самоутверждения, то ли из-за того, что я был взбаламучен уже прочитанным. Как бы там ни было, я не слишком расстраивался. Во-первых, потому, что подобное происходило ежедневно, а во-вторых — и это главное — у меня в запасе было еще одно увлекательнейшее занятие: я придумывал себе сны.

Ах, какие это были сны, если, конечно, мне везло и они в самом деле проходили передо мною, как на экране! Признаться, я этим занимаюсь и сейчас, хотя возраст — как бы это поизящнее выразиться — внес существенные коррективы в мои сценарии снов. В детстве я мечтал обрести способность оказаться в любимых книгах и не только зримо увидеть их героев, но и запросто пообщаться с ними. С Питером Марицем, юным буром из Трансвааля, с неугомонным бретером д'Артаньяном, со знаменитым пиратом капитаном Флинтотом или князем Серебряным. В детстве я свято

верил, что в книгах излагаются исторические события, что их герои — в самом деле существовавшие и, что самое любопытное, продолжающие существовать люди, с которыми можно запросто встретиться где-то там, вне реальности, но вполне реально. Потом это прошло (может быть, к сожалению?), я сам стал сочинять нечто близкое к действительности и записывать это «нечто», а ощущение — будто чуточку обокрал самого себя. И стал куда беднее, чем в голодном детстве...

Да, теперь я мечтаю об ином, но столь же нереальном, потому что мечтать реально — неинтересно, поверьте. Мечтать, подобно Корейке, о том, что я найду толстый бумажник, набитый сотенными? Глупо. Мечты — бесценны сами по себе хотя бы потому, что способность мечтать — осколок утерянного детства. Крохотный, как бриллиант, и сверкающий, как бриллиант. А ведь человек живет только в детстве своем. Только. В юности он — суетится, в зрелости — озабочен, в старости — раним. Вот почему мечты для меня — просто продолжение жизни. Всегда что-то обещающей и никогда не выполняющей своих обещаний. Может быть, именно в этом и заключается ее прелесть? Как знать, как знать...

Так что — мечтайте. Если упорно о чем-то мечтать, то мечта обретает зыбкие черты нереальной реальности, и вы снова к чему-то стремитесь, снова чего-то ждете, снова чего-то желаете. Но ведь способность чего-то ждать и желать и есть основа нашей жизни.

Например, желание заглянуть за горизонт. У человека всегда два равно недостижимых горизонта: будущее и прошлое. В будущее заглядывать тревожно, а тревога перед сном — гарантия тяжелых, душных сновидений. И я заглядываю за второй, дарованный только человеку горизонт. В прошлое. Оно прочно прикрыто толстым

льдом прожитых веков, а потому вечно покойно и безмятежно. Оно — БЫЛО, но ведь было! А «БЫЛО» — всего лишь одна из форм глагола «ЕСТЬ».

Тогда — в прошлое?..

КОЛЫБЕЛЬ

Она есть у каждого просто потому, что ее не может не быть. Все мы рождаемся в результате определенного стечения обстоятельств, случайности, если угодно, однако в этой случайности, как, впрочем, и во всех случайностях, есть своя закономерность. Генетическая цепочка, в одной из точек которой человек появляется на свет, не зависит ни от желания, ни от воли родителей, и тем не менее она не терпит обрыва. Ее обрыв неминуемо означает гибель рода, его исчезновение, будь ты потомком дворян или купцов, крестьян или мещан — это не имеет ровно никакого значения. Просто дворяне в силу исторических причин, более высокой общей культуры, традиций и общественного положения хранили ее в семейной памяти, а прочие — не хранили, поскольку она не представляла для них никакого общественного смысла и личного интереса. Их статус в обществе не менялся и меняться, как правило, не мог. Крестьянский сын пахал землю и с трудом переживал русские зимы — точно так же, как его отец, дед и прадед. Потомок мещанина тихо и смиренно повторял путь родителей своих в той же нише, некогда отведенной для них городским сообществом, будь то работа по обслуживанию городской общины, служба в стрельцах, ремесленничество или взращивание зелени для горожан. Даже купцы наследовали вначале лав-

ки, а позднее — «дело» своих предков, лишь развивая его, но не дерзая изменять источнику существования собственной семьи. И только дворянство имело возможность искать занятия согласно желаниям и склонностям своим, почему и нуждалось в памяти предков в той мере, в какой они оказывались вовлеченными в активную социальную жизнь.

Родословная каждого человека есть всего-навсего доля участия предков его в жизни народа, нации, государства. А история народа — производное этих долей, их взаимное влияние друг на друга, и математическое воспроизведение ее, по всей вероятности, не такое уж сложное дело.

Существует легенда, что некий весьма пожилой человек случайно оказал услугу могущественному волшебнику. И растроганный волшебник предложил вернуть его в тот возраст, в котором он пожелает пребывать со своим обликом, разумом, характером, будь то детство или юность, зрелость или старость. И после некоторых раздумий счастливцев выбрал тот возраст, в котором находился в данный момент.

— Но почему же? — удивился волшебник. — Неужели тебе не хочется вновь стать ребенком с чистой душой и восторгом ежедневных открытий? Или юношей, каждое мгновение ощущающим рост мощи собственных сил, переполненным страстной тоской любви и сладостной жаждой мечтаний? Наконец, я могу превратить тебя в сильного, обретшего любовь, семью и место в жизни человека. Почему ты просишь оставить тебя в годах, когда мечтания растаяли как дым, страсть испарилась, а тело и душа стонут по ночам от груза прожитых лет и совершенных ошибок? Объясни мне, странный человек, свое желание.

— Охотно. Я не хочу еще раз переживать детство, потому что детство человеческое — время необъяснимых и очень болезненных обид. Я не хочу быть юным, потому что юность — исток всех ошибок, которые столь тягостны в сумерках старости. Наконец, я не хочу снова быть зрелым, потому что зрелость вскармливает зависть и дает толчок первым разочарованиям, которые постепенно копятся и отравляют все последующие годы. Покойна только старость, осознавшая себя таковой. Может быть, это и называется мудростью.

Старость не удостоила меня мудрости в силу моего собственного характера, но я лишен тоски по прожитым годам. Я вспоминаю о них потому лишь, что каждый человек должен когда-то посмотреть на изнанку собственного костюма, даже если он не так уж плохо скроен им самим.

В нашей семье никогда не упоминали о прошлом. Его как бы вообще не существовало, а отсчет шел только с Гражданской войны. О том, что было раньше, стали рассказывать мама и, в особенности, тетя Таня уже после смерти отца, в 70-х годах — и то по моим настойчивым просьбам.

Наша семья не была такой уж уникально осторожной: так поступало большинство семей провинциальной интеллигенции. И надо признать, что эта предусмотрительность спасла очень многих, поскольку советские карательные органы никогда не знали истории, да и не интересовались ею. Среди моих знакомых объявилось много дворян уже в наши дни, и я не полагаю в них самозванцев. Каждая семья в Советском Союзе выживала в одиночку, и способы их выживания не повод для запоздалых укоров, а повод для горьких размышлений, не имеющих срока давности. Люди отрекались от корней своих не из соображений карьеры

(хотя и таковые, конечно же, были) и уж тем паче не из трусости, а во имя спасения собственных детей.

До чего же хрупка, до чего же беззащитна оказалась нравственность всего нашего народа! Дворяне жгли документы и фотографии, дети раскулаченных крестьян брали иные фамилии, убегая из деревень, евреи при первой же возможности меняли в паспортах национальность своих детей... Нет, не все, разумеется, не все. Я говорю лишь о тенденции, но именно тенденция в конечном счете и определяет народную нравственность. Маргиналам и люмпенам всех сословий России не требовалось ничего менять — так не их ли представления о нравственности торжествуют сегодня в нашем обществе?..

Чаще всего это печальное явление объясняют террором, но террор — средство, а не цель. Целью было уничтожение русской культуры и создание на ее обломках синтетической советской культуры. Нет, это не зомбирование — словечко, столь любимое нашей журналистикой. Это скорее клонирование, то есть искусственное создание великого множества одинаковых людей. Одинаковых во всем — в поступках, в реакциях, в мыслях, в семьях, одежде, еде, жилище, в любви и ненависти, в восприятии окружающего и вере в абсолютную непогрешимость вождей. И во многом, во многом это удалось за восемь десятков лет беспрецедентного растрепания великого народа. Под культурой, к примеру, уже официально понимается только искусство и обслуживающие его институты — театры, библиотеки, музеи. Помилуйте, это всего лишь часть общечеловеческой и общенациональной культуры, никак не более того. Под культурой Россия когда-то понимала весь спектр системы духовного выживания человека и прежде всего — нравственность. Нравственность лично-

сти, мораль общества, понятие о правах человека, его чести и достоинстве, о свободе личности и прочной государственной защите этой личности. В гласном и непременно состязательном суде присяжных при строжайшем соблюдении презумпции невиновности. Культура — право каждого на свободу совести, слова, самовыражения, неприкосновенность его жилища, добровольный выбор места жительства. Это отношение к женщине, детству, старости. Наконец, культура — это историческая память народа, его тысячелетние традиции, искусство, религия, национальная кухня, система семейного воспитания, представление о долге перед обществом. Не перед общиной — подобное представление способно породить только землячество, столь свойственное нам сегодня, — а перед всем исторически сложившимся социумом, который мы привычно именуем народом.

Переадресовав общее понятие культуры искусству, советская власть возложила функции культуры на образование. Поэтому у культуры появилось некое мерило: начальное, среднее и высшее, и диплом превратился в знак культурного уровня его обладателя.

Да, добавление образования к уже воспринятым с детства основным канонам культуры способно повысить ее уровень, но если они не заложены, образование срабатывает в обратную сторону. «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя» — это, увы, не шутка бестелесного Козьмы Пруtkова, а закон для общества с неразвитыми общественными институтами. Это советские специалисты-выдвиженцы погубили Волгу, превратив ее в цепь вялотекущих загнивающих водохранилищ. Это с их помощью Россия навсегда потеряла всю свою пресноводную сельдь. Это они построили целлюлозно-бумажный комбинат на Байкале.